

Екатерина Бунькова

БУДНИ ФЕЛЬДЪЕГЕРЯ

УДК 82-312.9
ББК 84-445
Б91

Б91 **Бунькова Е.**
Будни фельдъегеря / Екатерина Бунькова – М.: Литнет, 2026. – 528 с.

ISBN 978-5-521-99139-6

Провинциальная девушка Аня Зеленолист приехала покорять Москву и уже почти покорила, но очередная пандемия спутала ей все карты. Денег нет, работы нет, жить дорого. Что делать? Пришлось вернуться несолоно хлебавши в родное село в надежде, что хотя бы неожиданное наследство от дяди поправит дело. Вот только вместе со старым домом ей досталось и копытное хозяйство, и дядюшкина работа, и припрятанные в лесах тайны. Неповторимый колорит уральской деревни, влюбленный эльф и угрюмый богатырь в качестве домработницы - в комплекте.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-99139-6

© Литнет, 2026
© Е. Бунькова, 2026

Часть 1

Пролог

Спать возле неасфальтированной дороги – не самое приятное занятие. Машины то и дело будят дребезжанием разбитых бамперов, тарахтят двигатели грузовиков, им вторят заполошные псины. Из-под колёс вылетают камушки и неприятно щелкают по голым лодыжкам.

К тому же все кругом покрыто удушливой пылью, которая неумолимо устилает толстым слоем лицо, одежду, волосы, зубы и носоглотку. В общем, так себе отдых. Уснуть в таких условиях, присев на грязную лавку и привалившись к заборчику, можно только после нескольких часов изнурительной работы.

Впрочем, работа, что заставила девушку прикорнуть в таком странном месте, была не тяжелой, а скорее смешной и глупой: девушка пыталась попасть домой. Да-да, просто зайти внутрь. Не имея ключа, в чем, собственно, вся проблема и заключалась.

Дом стоял прямо тут – большой, надежный, ухоженный, чем выгодно отличался от других – просевших и почерневших, построенных еще, похоже, в позапрошлом веке.

Сначала девушка пыталась пролезть в открытую форточку. Потом – подковырнуть старую раму с разошедшей створкой. Пробраться огородом, снять с петель дверцу, которая, как ей показалось, ведет в подпол. Ничего не получалось. Она даже почти допрыгнула до края крыши, чтобы рискнуть и пролезть через трубу, но свалилась в крапиву и лишь пришла к выводу, что воры-форточники – это мастера высокого класса, до которых ей еще расти и расти.

Бредовая была ситуация. И породила ее обычная житейская непродуманность: за целую неделю, которую девушка потратила

на оформление бумаг, подтверждающих ее право проживания в этом месте, она просто не удосужилась поинтересоваться, у кого же, черт побери, ключ?!

В общем долгие и бесполезные попытки попасть к себе домой привели к тому, что она, окончательно сдавшись, задремала под лучами теплого солнышка подле самой дороги, ловя на себе косые взгляды всех немногочисленных соседей, которым приспичило пройти мимо именно в этот послеполуденный час.

Ее худые бледные ноги в красных цыпках от крапивных поцелуев вытянулись до самой тропинки. Одна туфля некрасиво сползла, другая и вовсе висела только на пальцах. Юбка чуть задралась, и любопытный муравей уже топтался на ободранной коленке, пытаясь понять, съедобны ли клубнички на видневшихся с его точки обзора трусиках.

Вдруг совсем рядом раздался шум, отличный от шума дороги. Девушка вздрогнула. В полудреме слегка приоткрыв глаза, увидела на тропинке прямо перед собой пыльно-серого щенка: смешного, беспородного и отчаянно перебирающего лапами.

Щенок бежал, выставив розовый язык. Ушки-тряпочки болтались от каждого неумелого прыжка, толстый хвостик морковкой торчал вверх.

Следом за щенком, поднимая пыль, мчался высокий и худой парень. Два раздолбанных кроссовка, кое-как удерживавшиеся на тощих ногах, часто врезались в пересохшую землю.

В голове девушки мигом вспыхнул ворох воспоминаний детства. Прятки, шалаша, рыбалка, землянки, вкус дички и запах свежего хлеба. Старый город, старые забавы. Она тоже когда-то бегала по улицам за соседской псиной, щелкая по голым пяткам сандалетками. Теперь пришел черед нового поколения радоваться вольному времени.

Девушка хотела было улыбнуться, но умилительной картина была лишь пару секунд. В следующее же мгновение парень поймал

щенка, сунул пищащего в мешок и пошел в сторону реки, воровато оглядываясь по сторонам.

«Он же идет его топить!» – мелькнула в голове мысль, растерянная и беспомощная.

Она жила в этом городке-деревне. Она знала, что в деревнях делают с «лишними» щенками и котятами.

Девушка сорвалась с места прежде, чем сообразила, что делает. Чемоданы были забыты, сумочка полетела в крапиву. Мысль ударила в сердечную мышцу адреналином и проревела: «Убью!»

Парень обернулся, вздрогнул, заметив ее перекошенное яростью лицо, и то ли от испуга, то ли от неожиданности рванулся прочь. Но не тут-то было.

Не примененного к делу раздражения, что копилось в девушке всю эту неделю общения с государственно-нотариальной бюрократией и идиотами-соотечественниками, хватило, чтобы раскошегарить ее тело в мгновение ока. Парень же был скорее растерян, а не напуган, чтобы взять по-настоящему хороший разбег. Так что возмездие настигло его уже у ближайшей колонки.

Аня не собиралась его калечить, просто остановить, но незнакомца настиг злой рок. В попытке убежать от преследовательницы он выбрал не тот маршрут и наступил на мокрую глиняную проплешину возле колонки – следствие бесконечных ремонтов. Поскользнулся и на полной скорости влетел лицом в колонку.

Раздался хруст. Парень взвыл, схватился за нос и принялся оседать на влажную от подтекающей воды и потому густо поросшую травой землю.

Ну, здравствуй, родная Косяковка. Здравствуй, безмозглая и беспощадная деревня.

Глава 1. Наследство

За неделю до этих событий ничто не предвещало столь резкой смены образа жизни и переезда в самую глушь. Рыжеволосая почти красавица Аня со смешной фамилией Зеленолист жила себе обычной городской жизнью. Пила кофе по утрам, в свободное время зависала в соцсетях и строила большие планы на будущее.

У нее была работа, какая-никакая личная жизнь в виде двух подруг – адепток борьбы за экологию и разделение мусора – и симпатичного тренера в фитнес-зале, уже месяц не решавшегося пригласить ее на свидание. И все так и тянулось бы, не грянь гром среди ясного неба.

В середине марта под влиянием жутких вестей из-за рубежа страна закрылась на очередной сезон самоизоляции – как бы карантин, но как бы на усмотрение граждан. Народ привычно начал возмущаться, мол, малый бизнес притесняют. Поперли как на дрожжах теории заговоров, антипрививочники активизировались. Отовсюду полезла реклама чудодейственных средств от любых вирусов, предложения супердоходной работы на удаленке и призывы оставаться дома. Собачники ехидно ухмылялись сквозь маски, отмеряя свои сто метров, кошатники оскорбленно принялись желать им заразиться.

В общем, страна настроилась побухтеть, но все же послушно заперлась в своих квартирах с туалетной бумагой, гречкой и водкой. Аня тоже приготовилась посидеть в отпуске (хоть бы и неоплачиваемом), но ее шеф рассудил иначе.

В отделе кадров, где она числилась табельщицей, кроме нее было еще три работницы: одна пенсионерка и две дамы Аниного возраста – то есть, примерно лет тридцати. Две последние были, как говорится, «семейные» – с детьми, хоть и без мужей, так что успешно утопали домой с сохранением зарплаты в первые же дни самоизоляции. Пенсионерка, соответственно – тем же маршрутом.

А вот Аню оставили отдуваться за всех. И ладно бы по профилю, так нет же: по причине отсутствия большей части работников к ее обязанностям добавили функции секретаря в главном офисе и уборщицы там же. Проще говоря, одна за всех, но за те же деньги.

Возмущению Ани не было предела. Мало того, что работы стало в пять раз больше, так еще и премию зажали. Но даже не это корбило ее сильнее всего, а чудовищная несправедливость в выборе «козы отпущения», которой ей и пришлось стать.

Пенсионерка – начальница отдела – отличалась редкостным здоровьем и ОРВИ не болела лет двадцать, кулаком могла стену прошибить, а чрезмерной активностью – вынести мозги, а то и труп из вверенного ей помещения, так что отнести ее к группе риска мог только полный идиот. Две другие же коллеги хоть и настояли на сидении дома с «маленькими детьми», на самом деле были матерями двух семиклассников, которым мамы дома требовались, как светофор на лесной тропинке.

Ане же никак нельзя было нарушать режим самоизоляции. Нет, она не относилась к той категории лиц, которые по всякой ерунде начинают сеять панику и закрываться в бункерах. Но весь февраль девушка провела в больнице с двусторонней пневмонией и до сих пор толком не восстановилась, так что подхватывать какую-либо заразу, тем более такую серьезную, ей было никак нельзя.

Оттого-то задолго до объявления самоизоляции, едва заслышав о назревающем в Европе вирусном кризисе, девушка начала носить защитные маски, перестала ездить на общественном транспорте и старалась заглядывать в магазины только тогда, когда там гарантированно не было очередей. А тут – на тебе! – такая подлянка: кошелек или жизнь.

Разумеется, жизнь показалась Ане дороже не ахти какой денежной должности в компании с нестабильным доходом. Узнав, что ей предлагается пару месяцев носиться туда-сюда по городу с кипой документов, собирая заразу, она тут же позвонила шефу и потребовала отпуск без содержания.

Шеф ей отказал.

Тогда она пригрозила уволиться.

Шеф тут же напомнил девушке, что в Москве она приезжая, съём квартиры стоит дорого, а в условиях карантина найти новую работу и тут же выйти в отпуск девушке уж точно не удастся.

Аня же напомнила, что не все приезжие – провинциальные дурочки, а от пары месяцев простоя финансовый крах с большой долей вероятности случится в его любимой компании, но уж точно не у нее самой – человека с экономическим образованием, самостоятельно прошедшего путь от прозябания в захолустном уральском городке до вполне успешного существования в столице.

Шеф ответил, что деревня – везде деревня, и нечего корчить из себя принцессу.

Аня назвала его хамом и предредила скорую гибель компании.

В общем, разругались, и уже на следующий день девушка подала заявление на увольнение, забрала сменную обувь и демонстративно плюнула на грязный пол, который ей предлагали мыть бесплатно.

Пришла домой, открыла файл со своим годовым бюджетом и печально в него уставилась. Из графы «отдых» можно было смело вычеркивать и поездку на море, и питерские мюзиклы, и даже платные телеканалы. Да что там отдых: сокращение расходов ожидалось даже на одежду и еду.

Хоть Аня и хвалилась своим экономическим образованием, факт оставался фактом: она была приезжей в столице, и положение ее было крайне неустойчивым. Без регулярной зарплаты финансовая «подушка безопасности» – по-русски говоря, заначка – обещала сдуться за два, максимум три месяца, а ведь неизвестно было, насколько затянется пандемия на этот раз.

Серьезно все обдумав, Аня стала скрести по сусекам: проверять, нельзя ли что-нибудь продать или где-нибудь безвозмездно занять. Но продать можно было разве что норковую шубу, которая в мае была никому не нужна, а занять могли только микрофинансовые организации, связываться с которыми, как известно, себе дороже.

В разгар ее печальных раздумий позвонила хозяйка квартиры и заявила, что повышает оплату: ее тоже уволили, и предприимчивая женщина решила залатать финансовую дыру за счет квартиро-ро-съемщицы.

Аня снова попыталась поспорить, но безуспешно: хозяйка прекрасно знала, что в родном городе у девушки не осталось ни кола, ни двора, и не собиралась сдаваться. С поправкой на подорожавшую жилплощадь бюджет стал выглядеть еще печальнее, и обещал познакомиться Аню с займами уже в конце июня. Возвращаться на прежнюю работу было стыдно, мотаться по столице в поисках новой, рискуя подцепить заразу – страшно.

Вот в эту-то грустную пору и прилетела к девушке неожиданная весть: у Ани умер единственный дядюшка. Покойный старик, оказывается, не забыл о племяннице и завещал ей свой дом в родной Косяковке, а вместе с ним кусочек земли на шесть соток и гору стариковского барахла.

В первый момент сердце девушки радостно екнуло и затарахтело в груди победный ритм. Но затем совесть одернула его и устыдила: «Хороший человек умер, а ты тут радуешься. Он про нас думал, дом свой завещал, а мы ему даже не позвонили ни разу за все те годы, что прожили в столице. Нехорошо».

Всю ночь промаявшись угрызениями совести, пересмотрев семейный альбом в поисках дядюшкиных фотографий, словив ностальгию и уревевшись до опухших глаз, к утру Аня твердо решила: это судьба.

Хватит. Покормили чужой город своими молодостью, силой и налоговыми отчислениями. Пора домой, в провинцию, где все друг друга знают, а сто рублей – это деньги, а не завалящая бумажка для нищих. Пара лет на свежем воздухе да при спокойном ритме жизни прекрасно поправят ее здоровье. А столица все равно никуда не денется.

Бюджет тут же был пересмотрен с учетом новых условий. Конечно, приличная сумма должна была уйти на транспортировку вещей плюс билет на самолет, но все равно оставалось примерно две московских зарплаты. А две московских зарплаты – это полгода, а то и год безбедной жизни в Косяковке: за квартиру-то платить не придется, разве только за электричество и воду. Если, конечно, там есть вода.

Решение было принято, вещи собраны, и, не дожидаясь июня, за который пришлось бы платить жадной хозяйке, Аня сбежала из стремительно заболевающей столицы в глухое уральское захолустье.

Пару дней спустя

– Чего стоим, кого ждем? – спросил незнакомый мужик, опустив стекло и поигрывая размокшей от слюны сигаретой. – Может, подвезти, а, красавица?

Девушка окинула брезгливым взглядом ржавый транспорт – невозможный для столицы, но обычный для раздолбанной, частично грунтовой дороги «Алапаевск – Нижний Тагил», по которой ей предстояло прокатиться.

Мужик ее не напугал: на дворе был солнечный день, кругом – куча свидетелей да еще и какая-никакая камера слежения возле билетной кассы. Удивляться, откуда он узнал, что им по пути, тоже не приходилось: стоящие в этом месте люди могли ехать только в одну сторону. Но садиться в машину к кому попало девушка не собиралась.

– Нет, спасибо, – сказала Аня, демонстративно пододвигая крайний чемодан поближе к толпе людей. – Я на автобусе.

– Сдался тебе тот автобус, – хмыкнул мужик, не теряя надежды подвезти молодую девушку на своей старой десятке с любовно заклеенным скотчем бампером. – Заразу только цеплять.